

Хайдеггер Мартин Мой путь в феноменологию filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мартин Хайдеггер Мой путь в феноменологию
Моя академическая учеба началась зимой 1909/10 годов на теологическом факультете университета Фрайбурга. Впрочем, профилирующие занятия теологией оставляли еще достаточно места для философии, и без того входящей в учебный план. Так что с первого же семестра на мой ученический пульт в факультетском интернате встали оба тома «Логических исследований» Гуссерля. Книги были взяты в университетской библиотеке. Срок сдачи всегда мог быть без затруднений продлен. Ясно, что этот труд не часто запрашивался студентами. Как же в столь чуждом для него окружении попал он ко мне на стол?

По некоторым намекам в философских журналах я узнал, что гуссерлианский образ мыслей был предложен Францем Brentano, чья диссертация «О различных значениях сущего у Аристотеля» (1862) служила с 1907 года посохом в моих первых неуклюжих и беспомощных попытках проникнуть в философию. Довольно смутно задело меня рассуждение: если сущее сказывается в различных значениях, то какое сущее, в таком случае, имеет значение путеводное и основное? Что есть бытие? На последнем году моего обучения в гимназии я наткнулся на сочинение тогдашнего профессора догматики фрайбургского университета Карла Брайга «О бытии. Абрис онтологии». Книга эта вышла в 1896 году, ко времени, когда ее автор стал экстраординарным профессором философии факультета теологии фрайбургского университета. Основные разделы сочинения сопровождались приложением обширных цитат из Аристотеля, Фомы Аквинского и Суареса, и здесь же, кроме того, анализировалась этимология слов, обозначающих основные онтологические понятия.

От гуссерлевских «Логических исследований» я ожидал решительного продвижения в вопросах, поднятых в диссертации Brentano. Однако мои старания разыскать ответ оказались напрасными, потому что, я смог понять это гораздо позднее, неверен был метод моего поиска. Тем не менее, я был настолько впечатлен работой Гуссерля, что даже не обладая достаточным ее пониманием и в последующие годы никак не мог избавиться от ее плена. Магические чары, исходящие от книги, распространялись и на чисто внешнее в ней: на шрифт, каким она была набрана, на титульный лист. На титульном листе который и сейчас живо стоит в моей памяти стояло название «Издательство Макса Нимейера». Название это ассоциировалось с загадочным словом «феноменология», которое всплывало в подзаголовке второго тома. Я мало знал в то время об издательстве Макса Нимейера и его деле, и столь же малым и неопределенным оставалось мое понимание самого слова «феноменология». Насколько оба имени «издательство Нимейера» и «феноменология» связаны друг с другом, вскоре должно было проявиться. Сле четырех семестров я отказался от теологических штудий и всецело посвятил себя философии. Правда, лекции по теологии я продолжал посещать еще и после 1911 года, но лишь Карла Брайга о догматике. На это меня подтолкнул интерес к спекулятивной теологии, но, прежде всего, та убедительная манера мышления, которую демонстрировал на каждом занятии сам Брайг. От него, на прогулках, в которых я имел возможность его сопровождать, я впервые услышал о значении Шеллинга и Гегеля для спекулятивной теологии в отличие от ученых систем схоластики. Так в поле моего зрения попали напряженные отношения между онтологией и спекулятивной теологией как каркасом метафизики.

Разумеется, все это временно отступило на задний план по сравнению с тем, что обсуждал на своих семинарах Генрих Риккерт: две работы своего ученика Эмиля Ласка, погибшего в звании рядового на галицийском фронте. Риккерт посвятил «дорогому другу» вышедшее в том же году третье, полностью переработанное издание труда «Предмет познания. Введение в трансцендентальную философию». Посвящение должно было, одновременно, означать влияние ученика на учителя. Обе работы Эмиля Ласка «Логика философии и учение о категориях. Исследование об области влияния логических форм» (1911) и «Учение о суждении» (1912) в свою очередь достаточно отчетливо свидетельствовали о влиянии гуссерлианских «Логических исследований».

Эти обстоятельства вынудили меня заново проработать произведение Гуссерля. Однако повторный штурм вновь оказался неудовлетворительным, поскольку я не преодолел главного затруднения. Оно касалось простого вопроса: как должно приводить в исполнение способ мышления, называемый «феноменологией». Беспокойство возникало вследствие раздвоенности, о которой, на первый взгляд, свидетельствовала работа Гуссерля.

Вышедший в 1900 году первый том «Исследований» содержал опровержения психологизма в логике посредством доказательства, что учение о мышлении и

Хайдеггер Мартин Мой путь в феноменологию filosoff.org познании не может основываться на психологии. Но вышедший годом позже в три раза более объемистый второй том, напротив, при построении познания содержал описания сущностных актов сознания. Итак, все-таки психология. Иначе к чему бы быть в пятом исследовании параграфу (9) «Значение разграничения „психических феноменов“ у Brentano»? Следовательно, со своими феноменологическими описаниями феноменов сознания Гуссерль снова впадал в им же опровергаемую ранее позицию психологизма. Однако если столь грубая ошибка не может быть приписана произведению Гуссерля, что есть, в таком случае, феноменологическое описание акта сознания? В чем же состоит существо феноменологии, если она не логика и не психология? Появляется совсем новая философская дисциплина со своими собственными структурами и приоритетами?

Не ориентируясь в этих вопросах, оставаясь слепым и беспомощным, я едва ли вообще мог осознать ту ясность, с которой они здесь поставлены.

И вот, 1913 год принес ответ. В издательстве Макса Нимейера начал выходить редактируемый Гуссерлем «Ежегодник по философии и феноменологическим исследованиям». Первая книжка открывалась статьей Гуссерля, само заглавие которой возвещало о выделении феноменологии и ее исключительности: «Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии».

«Чистая феноменология» есть «наука об основах» философии, посредством которых философия создается. «Чистая» это значит: «трансцендентальная феноменология». Но в качестве трансцендентальной, однако, устанавливалась «субъективность» познающего, действующего и задающего ценности субъекта. Оба понятия, «субъективность» и «трансцендентальное», указывают, что феноменология решительно и совершенно сознательно повернула к традиции философствования Нового времени, правда, таким образом, что «трансцендентальная субъективность» благодаря феноменологии достигла изначальной и универсальной определенности. Феноменология сохранила «переживания сознания» в области своей тематики, но уже в систематически упорядоченном и достоверном исследовании структуры актов переживания в единстве с исследованием пережитых в этих актах предметов относительно их предметности.

Теперь в этом универсальном проекте феноменологической философии могло быть отведено место и «Логическим исследованиям», по-прежнему остающимся философски нейтральными. Они вышли вторым изданием в том же самом издательстве и в том же самом 1913 году. Разумеется, большая часть «Исследований» была подвергнута «основательной переработке». Правда, шестое, «в феноменологическом отношении важнейшее» исследование (из предисловия ко второму изданию), не было затронуто. Равным образом и сданная в первую книжку новообразованного журнала «Логос» статья «Философия как строгая наука» (1910/11) лишь с появлением «Идей к чистой феноменологии...» получила достаточное обоснование своих программных тезисов. В том же 1913 году в издательстве Макса Нимейера вышло в свет знаменательное исследование Макса Шелера «К феноменологии чувства симпатии, о любви и ненависти. С приложением: Об основании предположения существования другого Я».

Посредством названных публикаций деятельность Нимейера выдвигалась на передовые рубежи философского книгоиздания. В то время часто можно было слышать утверждение, что с «феноменологией» в европейской философии открылось новое направление. Кто захотел бы опровергнуть правильность этого тезиса?

Но такая оценка, историческая по своей природе, не попадала в точку относительно того, что же произошло благодаря «феноменологии», т. е. благодаря уже «Логическим исследованиям». Это осталось невысказанным и едва ли может быть справедливо истолковано даже сегодня. Собственные программные разъяснения Гуссерля и его методологические изложения скорее только усиливали недоразумение будто «феноменология» провозглашает начало философии, отвергающей все предшествующее мышление.

Даже после появления «Идей к чистой феноменологии...» меня удерживало неослабевающее очарование, которое исходило от «Логических исследований». Оно способствовало возобновлению беспокойства, не знавшего своей истинной причины, хотя и дающего возможность строить догадки: беспокойство проистекало от неспособности добиться простым прочтением философской литературы исполнения образа мыслей, носящего название «феноменология». Медленно начала отступать беспомощность, и с большим трудом развеивалась путаница только тогда, когда я смог лично встречаться с Гуссерлем в его творческой лаборатории.

Гуссерль заступил на кафедру во Фрайбурге в 1916 году, сменив Генриха Риккерта, получившего кафедру Виндельбанда в Гейдельберге. Преподавание Гуссерля проходило в форме постепенной, шаг за шагом, тренировки феноменологического «видения», требовавшего, одновременно, отказа от

Хайдеггер Мартин Мой путь в феноменологию filosoff.org применения философских знаний без их проверки, а также отказа привносить в беседу авторитет великих мыслителей. Между тем, я все менее мог расстаться с Аристотелем и другими греческими философами, чем более явно мое растущее сближение с феноменологическим видением делало плодотворным истолкование аристотелевских текстов. Правда, тогда я еще был не в состоянии окинуть взором, к каким решительным последствиям должно было привести обновленное обращение к Аристотелю.

С 1919 года, когда я сам начинал практиковать феноменологическое зрение, учась-обучая рядом с Гуссерлем, и, одновременно, опробовал на семинаре трансформировавшееся понимание Аристотеля, мой интерес вновь обратился к «Логическим исследованиям», и, прежде всего, к шестому исследованию первого издания. Разработанное здесь различие между чувственным и категориальным созерцанием открылось мне в своей значимости для определения «различных значений сущего».

В связи с этим мы друзья и ученики просили Гуссерля вновь отдать в печать практически уже недоступное в то время шестое исследование. С испытанной готовностью оказать помощь делу феноменологии, издательство Нимейера вновь выпустило последнюю часть «Логических исследований» в 1922 году. В предисловии Гуссерль отметил: «дела обстоит таким образом, что я, уступая натиску друзей лежащего перед Вами произведения, должен был решиться на то, чтобы снова сделать доступным шестое, заключительное „Исследование“ в его прежнем виде». Выражением «друзья лежащего перед Вами произведения» Гуссерль хотел подчеркнуть, что сам он, после публикации «Идей» не мог впредь относиться справедливо к «Логическим исследованиям». В то время, более чем когда-либо, для Гуссерля имела значение привязанность его мысли к «Чистой феноменологии» и его стремление, на новом месте его академической деятельности, к систематическому развертыванию плана, представленного в этом произведении. Поэтому Гуссерль мог писать в упоминавшемся предисловии к шестому исследованию: «Моя фрайбургская преподавательская деятельность также способствовала переключению моего интереса на путеводную универсальность и системность».

Таким образом, Гуссерль благодушно, но, в основном, скептически, наблюдал, как я, наряду с моими лекциями и семинарами, на еженедельном кружке прорабатывал с более взрослыми учениками его «Логические исследования». Подготовка к этой работе была плодотворной прежде всего для меня самого. При этом я осознал сначала как догадку, нежели как нечто обоснованное следующее: то, что согласно феноменологии акта сознания осуществляет себя как себя-самое-выражающее феномена, мыслилось изначально еще Аристотелем и, вообще, греческим мышлением и греческим *Dasein* как *'Alyteia*, как несокрытость присутствующего, его раскрытие, показывание себя. То, что заново найдено в феноменологических исследованиях как основополагающая позиция мышления, оказывалось главной чертой мышления греческого, если не вообще философии как таковой.

Чем решительнее открывалось мне понимание этого, тем настоятельнее подступал вопрос: откуда и как определяется то, что должно быть узвано согласно феноменологическому принципу «сама вещь»? Есть ли это сознание и его предметность, или это есть бытие сущего в его несокрытости и потаенности?

Таким образом, будучи вовлеченным на путь вопрошания о бытии, я оказался озарен феноменологией, вновь, и по-иному, чем прежде, обеспокоен вопросами, поднятыми в диссертации Brentano. Но путь вопрошания оказался длиннее, чем я предполагал. Он нес с собой многочисленные остановки, ложные пути, кружные тропы. Лекции, сначала фрайбурга, а потом Марбурга, лишь косвенно свидетельствуют об этом пути.

«Коллега Хайдеггер, Вы должны, наконец, что-нибудь опубликовать. Есть ли у Вас подходящая рукопись?» С этими словами в один из дней зимнего семестра 1925/26 годов в мой кабинет вошел декан философского факультета университета Марбурга. «Конечно» отвечал я. «Рукопись должна быть немедленно напечатана!» заметил декан. Дело заключалось в том, что факультет рекомендовал меня *ipso iure* в качестве преемника Николая Гартмана на должность первого ординарного профессора. Между тем, министерство в Берлине отклонило это предложение, мотивируя свое решение тем, что я ничего не публиковал уже десять лет.

Теперь речь шла о том, чтобы предать гласности столь долго оберегаемую работу. Издательство Макса Нимейера было готово, благодаря Гуссерлю, немедленно напечатать первые пятнадцать листов моего произведения, которое должно было целиком выйти в гуссерлевском «Ежегоднике». В скором времени два сигнальных экземпляра были переданы факультетом в министерство. Спустя немалый срок они вернулись на факультет с пометкой: «Недостаточно». В феврале следующего года (1927) и в восьмой книжке «Ежегодника» и отдельным изданием появились полные тексты «Бытия и времени». В ответ на это,

Хайдеггер Мартин Мой путь в феноменологию filosoff.org министерство, по истечении полугода, отклонило свой отрицательный приговор и произвело назначение.

Из-за приключений, связанных с публикацией «Бытия и времени», я впервые вступил с издательством Макса Нимейера в непосредственные деловые отношения. Ничего не означающее на первом семестре моей учебы имя, стоявшее на титульном листе ослепительного труда Гуссерля, открылось мне и в будущем сопровождало меня своей надежностью, благородством и скромностью. Летом 1928 года, во время моего последнего семестра в Марбурге, был подготовлен юбилейный сборник, посвященный 70-летию Гуссерля. К началу этого семестра скоростно скончался Макс Шелер, один из соиздателей гуссерлевского ежегодника, опубликовавший в первой и второй книжках (1916) свое знаменательное исследование «Формализм в этике и материальная этика ценностей». Оно с полным правом может считаться внесшим, наряду с «Чистой феноменологией», самый значительный вклад в ежегодник своим незабываемым эффектом, дальновидностью и мощью, представив издательство Нимейера в новом свете.

Юбилейный сборник, посвященный Эдмунду Гуссерлю, вышел точно в его день рождения как дополнительный том ежегодника. Я смог вручить этот том прославленному учителю 8 апреля 1929 года в окружении его друзей и учеников.

В последующее десятилетие всякая более или менее значимая публикация откладывалась до тех пор, пока издательство Нимейера отважилось в 1941 году напечатать мою интерпретацию гимна Гёльдерлина «Как если на празднике...», без указания года издания. Я, как гость университета Лейпцига, делал этот доклад в качестве публичной лекции в мае того года. Владелец издательства, господин Германн Нимейер, прибыл на эту лекцию из Галле, и после лекции мы обсудили возможность публикации.

Когда через двенадцать лет я решился выпустить читанные ранее лекции, я выбрал для осуществления своего замысла издательство Нимейера. Между тем, оно уже не подписывалось «Halle a. d. Saale». Вследствие больших убытков и разнообразных трудностей, обрушившихся на прошлого его владельца, постигших его тяжелых личных несчастий, издательство было развернуто вновь в Тюбингене.

«Halle a. d. Saale» в этом городе преподавал в 90-е годы прошлого столетия в местном университете тогдашний приват-доцент Эдмунд Гуссерль. Позднее, во Фрайбурге, он часто рассказывал об истории возникновения «Логических исследований». При этом он никогда не забывал с благодарностью и восхищением вспомнить об издательстве Макса Нимейера, которое на рубеже веков взяло на себя смелость напечатать объемистый труд едва известного доцента, вставшего на непривычные пути мышления и долженствующего, тем самым, смутить своим произведением современную философию; что и происходило долгие годы, пока Вильгельм Дильтей не распознал его значение. Издательство не могло тогда даже догадываться, что в будущем его имя останется связанным с феноменологией, в различных областях определившей часто невысказанно дух эпохи.

А что же сегодня? Кажется, что время феноменологической философии ушло. Она имеет значение уже как нечто прошлое, отмеченное только исторически наряду с другими направлениями философии. Но феноменология по сути своей не есть какое-либо философское направление. Она является изменяющейся вместе со временем и таким только образом сохраняющейся возможностью мышления соответствовать требованию подлежащего мысли. Феноменология будет понимать и удерживать, потом, как название, она может исчезнуть на пользу предмету мышления, чья открытость остается тайной.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!